

ВОЕННЫЙ
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

ИГИЛ

ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ ХАЛИФАТА

АНДРЕЙ
КЕМАЛЬ

Военный обозреватель (ЭКСМО)

ИГИЛ. Зловещая тень Халифата

«Алисторус»

2015

ИГИЛ. Зловещая тень Халифата / «Алисторус»,
2015 — (Военный обозреватель (Эксмо))

На Ближнем Востоке десятилетиями воюют различные вооруженные группировки с труднопроизносимыми названиями. У них есть свои успехи, есть поражения, но их деятельность остается в рамках местных реалий. Но в прошлом году произошло то, чего боялись многие политологи и аналитики. Мир радикального ислама породил явление настолько мощное и страшное, что западная цивилизация содрогнулась. Организация «Исламское государство» (также известная как ИГИЛ) уже контролирует огромные территории в Сирии и Ираке. Ее отряды воюют в Ливии, Нигерии и Египте. Они обещают принести войну в Среднюю Азию и Афганистан. Им нипочем даже НАТО. В чем секрет побед ИГИЛ и чем они угрожают России, читателю расскажут лучшие военные умы современности. Впервые на русском языке.

, 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

От составителя	6
Часть I. Война Халифата	8
Глава 1. ИГИЛ и контрреволюция: рождение «Исламского государства»	8
Энн Александер	8
Неолиберализм, сектантство и империализм	9
Ирак 2003: «консоционализм» и неолиберализм вызывают рост сектантских настроений в обществе	13
Появление Аль-Каиды в Ираке, сахва и операция по умиротворению	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Зловещая тень Халифата

сост. Андрей Кемаль

© Андрей Кемаль, 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

От составителя

Не ходите, дети, в Сирию гулять

Две австрийские девочки-подростка сбежали в охваченную войной Сирию, чтобы воевать за «Исламское государство».

Девочки и исламисты друг друга неправильно поняли, поэтому, когда удалось добраться до Сирии, то вместо автомата им выдали по бородатому мужу. Теперь обе беременные, звонят домой, просят забрать. Дома им не рады: австрийское правительство говорит, что таких шуток не понимает и девчонок, даже если им удастся убежать обратно, ждет полноценное судебное разбирательство.

Эта история обсасывалась СМИ долго. И не совсем понятно, что тут правда, а что правительственная пропаганда, ведь на сирийскую войну едут не только девочки-подростки, а и взрослые люди, с боевым опытом, да и едут не только на сторону исламистов. Европе с такими гражданами потом иметь дело не очень интересно, а ну они начнут наводить справедливость привычными методами где-нибудь на улицах Амстердама? Такое Европе ни к чему, отговаривают, как могут.

Едут и едут. Одни едут, другие спрашивают: «Чего вам дома не хватало?».

Так заведено, что замордованный жизнью, восьмичасовым рабочим днем и просроченным кредитом восточноевропейский обыватель думает, что там, на Западе есть все, и бежать из благообразной Вены под пулеметные атаки и отважный прорыв проволочных заграждений могут только сумасшедшие, которым «чего-то не хватает». В действительности им не хватает ровно того же, что и жителям Украины или Сирии. Им не хватает истории.

Тема побега подростков в экзотические страны появилась в мировой литературе в XIX веке. Примеров много, например, Марк Твен, помните, как увлеченно Гек и Том обсуждают идею сбежать на индейскую территорию? Или у Чехова, в рассказе «Мальчики», второклассники пытаются убежать в Америку.

Подростки – это люди, которые только вступают во взрослую жизнь и, еще не став взрослыми по-настоящему, уже понимают, что они никому не нужны, что их влияние на мир ограничено самой структурой современного общества. Они осознают свою внеисторичность, наполовину они еще дети и пытаются изменить очевидную несправедливость самым простым детским способом – убежать.

А что может быть историчнее войны? Если навскидку назвать десять первых пришедших в голову исторических событий – то девять из десяти будут войнами, восстаниями и революциями.

Капитализм – это отчуждение. Он не только отчуждает людей от результатов собственного труда, он отчуждает человечество от истории, хотя именно люди – это и есть ее главный субъект. Но как сейчас в «нормальной, демократичной» стране повлиять на историю, изменить ее? Поставить галочку в бюллетене? Вынести злой плакат на митинг? Власть (а значит и возможность менять мир) дает не бюллетень и не плакат. Власть дает винтовка. Власть, героизм, победа, перемены, идеальный мир – вот чего хотят люди, которые бросают европейский быт и едут в Сирию. Простой и быстрый способ стать субъектом истории, частью этого великого процесса – взять в руки автомат.

Если в XXI веке случится «последняя революция», то ее задачей будет вернуть людям историю. Не в Сирии, не в джунглях Латинской Америки, не в горах Непала и даже не где-то на востоке Украины. Всюду. История принадлежит человечеству, нужно лишь протянуть руку.

Пока же ее пытаются обратить вспять.

Этот сборник посвящен своему масштабному в новейшей истории эксперименту, по возвращению в Средневековье. Надеюсь, он не удастся.

Часть I. Война Халифата

Глава 1. ИГИЛ и контрреволюция: рождение «Исламского государства»

Энн Александер

Спустя четыре года после «арабской весны» 2011 года надежды на то, что народные восстания изменили положение в лучшую сторону, практически не осталось. Ливия, Сирия и Ирак представляют собой мрачные вариации на тему «провала государственного строительства»¹. В то же время военная коалиция западных государств под началом США вместе со своими арабскими союзниками снова активизирует свои действия в северном Ираке и Сирии, оправдывая свои интервенции все той же «гуманитарной» риторикой, которой маскировали катастрофическую по своим последствиям оккупацию Ирака после войны 2003 года. В Египте произошло возрождение диктатуры в еще более жестоком и кровавом виде, нежели было в худшие дни правления Хосни Мубарака – подтверждением тому служит убийство более 1 000 сторонников «Братьев-мусульман» за один день 14 августа 2013 года, арест более 40 000 политических оппонентов режима в течение следующего года и создание нового культа личности вокруг фельд-маршала Абделя-Фаттах аль-Сиси. Железная пята репрессий в Бахрейне несколько не смягчилась после поражения происходившего там в 2011 году восстания.

Однако еще одно событие затмило собой все вышеперечисленное (по крайней мере, так это представляют западные СМИ) – возвышение Исламского Государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), также известного просто как Исламское Государство (ИГ) или Да'аш (арабский акроним). Эта жестокая сектантская джихадистская группа завладела в 2014 году Мосулом, вторым по величине городом в Ираке, выбив оттуда силы иракской армии. Она получила внимание западных медиа посредством хорошо срежиссированных акций показательной жестокости, включая обезглавливание пленных граждан США и Британии, систематические акты насилия по отношению к женщинам, религиозным меньшинствам и мусульманам, принадлежащим к иным течениям. По мере своего продвижения по западному и северному Ираку, бойцы ИГИЛ проводили этнические чистки. Для примера можно привести массовые убийства езидов, заключенных в иракских тюрьмах шиитов и членов племени Албу Нимр².

Почему же ИГИЛ обладает такой гипнотической притягательностью? Господствующее мнение сводит деятельность ИГИЛ к специфической «интернет-порнографии насилия» и надеется, что на этом пути оно исчерпает себя и перегорит. Но такая позиция оставляет слишком много вопросов без ответов. Является ли ИГИЛ нео-ваххабистским государством, калькой с эмиратов, построенных предками нынешних Саудитов и их мусульманских союзников? Или, может быть, это банда международных наемников, ведомых болезненно-амбициозным племенным вождем? Политический и военный «цемент», скрепляющий воедино новую «суннитскую элиту Ирака? Или же международный союз джихадистов? Отражает ли возвышение ИГИЛ углубление раскола между суннитами и шиитами? Что насчет курдов? И какую роль во всей этой истории играет США, государства Персидского залива и Иран?

¹ Самех Нагуиб, Фил Марфлит, Джон Роус и Алекс Каллиникос поделились очень ценными комментариями о черновике этой статьи. Особая благодарность также всем участникам образовательного форума SWP «Анализируя ИГИЛ», прошедшего 22 ноября 2014 года, ибо интенсивная и плодотворная дискуссия, имевшая место там, сильно повлияла на данную статью.

² Chulov, 2014; Human Rights Watch, 2014a; Human Rights Watch, 2014b.

Данная статья отражает предварительные усилия по поиску ответов на данные вопросы. Оно сконцентрировано на трех главных задачах: во-первых, обрисовать базовую теоретическую конструкцию для анализа ИГИЛ с марксистской точки зрения, затем более подробно изучить специфический иракский контекст, в котором ИГИЛ впервые пустило корни, и затем проанализировать взаимосвязь между поражением Сирийской Революции и консолидации авторитарной власти Нури аль-Малики в Ираке после 2008 года. Фокусирование на Ираке вызвано тем, что ключевую роль именно в этой стране имеет лидерство ИГИЛ. Абу-Бакр аль-Багдади, который возглавляет группу с 2010 года, считается выходцем из Самарры, которая была очагом сектантской гражданской войны в 2006–2007 годах. Некоторое время он содержался под арестом в американской тюрьме Камп Букка в северном Ираке, и вышел на свободу только в 2009 году³.

Наконец, статья помещает ИГИЛ в контекст кризиса исламистского реформистского движения на момент революционных движений 2011 года. Общий и конкретный анализ непосредственно связаны между собой. Катастрофа, которая поглотила Ирак – следствие сочетания глобальных и региональных процессов, и она же выводит эти процессы на качественно новый уровень. Ослабление гегемонии США, вызванное военным поражением в Ираке, стало началом относительного укрепления позиций региональных сил, таких как Саудовская Аравия и Иран, и запустило фрактальный процесс зарождения и консолидации новых национальных автономий, например курдской⁴. Последует ли само ИГИЛ по тому же пути? Его лидеры бьются об заклад, что они могут основать не просто очередное новое государство, но совершенно новый тип государственности, первый оплот всемирного халифата. Эта позиция вызывает много вопросов, равно как и множество вопросов возникает к стратегии, выбранной США и их союзниками для того, чтобы «решить проблему ИГИЛ «посредством бомбардировок. Только возрождение социальной и политической борьбы, которая объединит бедных и угнетенных всех вероисповеданий, языков и культур, может стать действенной альтернативой и для ИГИЛ, и для западного империализма.

Неолиберализм, сектантство и империализм

Сорокалетний процесс насаждения правящими классами неолиберализма в регионе – важная точка отсчёта, которую надо иметь в виду для плодотворного обсуждения остальных социально-политических явлений. Хотя в одной статье невозможно подробно описать весь процесс развития неолиберализма на Ближнем Востоке, три основных пункта имеют особую важность для представленного тут анализа⁵. Во-первых, неолиберализм не привел к устранению государства из экономики.

Напротив, как замечает Самех Нагуиб, адаптация неолиберальной политики породила «даже более тесные взаимоотношения между государством и капиталом»⁶. Прибыльные производства и службы, принадлежавшие государству, были подвергнуты приватизации, в то время как другие были упразднены, но этот процесс породил новую амальгаму государственного и частного капитала, где «приватизация «зачастую означала продажу общественной собственности сыновьям и дочерям чиновников из правящей партии»⁷.

³ Cockburn, 2014, pp28–29.

⁴ Появление курдского протогосударственного образования в северных провинциях Ирака было вызвано ослаблением баасистского государства в 1990-х, но именно неспособность американского оккупационного правительства обеспечить полноценный контроль Багдада над регионом создала предпосылки для его консолидации.

⁵ См. части 1–2 Alexander and Bassiouny, 2014, для более подробной дискуссии по вопросу развития неолиберализма в Египте, и Achcar, 2013, и Hanieh, 2013, чтобы ознакомиться с региональными перспективами этого процесса.

⁶ Naguib, 2011, p5.

⁷ Haddad, 2011.

Были проведены значительные реформы в сферах социальной защиты и общественных служб – неолиберальная политика переложила большую часть их стоимости на бедные слои населения, переориентировав их на получение прибыли. Те, кто был не в состоянии платить бизнесу за здравоохранение и образование, переходили поневоле в руки других «частных предпринимателей» – религиозных функционеров и благотворителей. Историческая ирония заключалась в том, что главными бенефициарами этого процесса зачастую являлись исламистские оппозиционные движения, которые комбинировали благотворительную деятельность, направленную на помощь беднякам и низшей части среднего класса, и призывы к увеличению богобоязненности в каждом человеке и к культурному сопротивлению «секулярному государству»⁸.

В то время как многие склоняются к тому, чтобы в долговременном изменении социальных условий видеть смягчение перехода к новому экономическому и политическому строю, в реальности процесс возрастания неравенства только ускорялся вместе с развитием региона. Неравенство возрастало вместе с развитием экономики и на национальном уровне⁹, и на региональном. Также усилились трения, вызванные наложением различных фаз капиталистического развития¹⁰. Чтобы не затягивать, мы просто подчеркнем два специфических направления углубления неравенства, которые оказались особенно важными.

Во-первых, это трения между неравномерным развитием национальных экономик, когда некоторые области и сектора стремительно интегрировались в мировые рынки и привлекали большие инвестиционные потоки, нежели остальные. Самое бурное развитие Сирийская революция 2011-го получила в самых обедневших провинциях и городских пригородах, которые стали домом для сотен тысяч покинувших сирийские деревни, вследствие разрушения сельского хозяйства – это служит прекрасным примером описываемого нами феномена¹¹. Три беднейших региона страны, Дейр Эззор, Хассака и Ракка¹², также послужили оплотом сил ИГИЛ в Сирии.

Вторым в равной степени важным примером является рост удельного веса капиталов родом из Персидского залива на финансовом рынке Ближнего Востока и всего мира. Как показал Адам Ханья, во всем регионе все большую роль стали играть конгломераты, объединяющие производственный, торговый и финансовый капитал: они инвестировали в производства и сервисы, и широко применяли взятки, интриги и шантаж для того, чтобы обеспечить себе выход на новые рынки в русле неолиберальной политики¹³.

Расслоение сделало государства Персидского залива более мощными региональными игроками, чем они были когда-либо прежде. Они уже были в состоянии противостоять последствиям революций в Сирии и Египте – с одной стороны, поддерживая любые военизированные контрреволюционные силы, с другой – устанавливая гегемонию выгодных им исламистских вооруженных группировок.

Волна неолиберализма не то чтобы начисто смыла политические и социальные отношения предыдущих стадий развития капитализма – она, скорее, наложила на них в новую и нестабильную эмульсию. Спустя 11 лет после вторжения США, Всемирный Банк констатиру-

⁸ Harman, 1994.

⁹ Более подробно – см. Alexander and Bassiouny, 2014, часть 2.

¹⁰ Лев Троцкий, анализируя экономику России в начале 20 века, доказывал, что неравномерность ее развития создала «взрывоопасную смесь» противоречивых социальных и политических отношений, которая, будучи воспламенена искрами протестов и забастовок, вызвала намного более глубокие революционные процессы, нежели предполагалось (Trotsky, 1992). В центре аргументации Троцкого лежали социальные и политические отношения между двумя различными типами производственных отношений: феодальными и капиталистическими. Когда мы используем тут эти термины, мы имеем в виду сочетание социальных и политических отношений различных стадий развития капитализма – Choonara, 2011.

¹¹ Maunder, 2012.

¹² По ссылке www.ruralpovertyportal.org/country/home/tags/syria можно ознакомиться более подробно с ситуацией касательно деревенской бедности в Сирии до революции.

¹³ Hanieh, 2013.

вал в своем «Резюме по инвестиционному климату Ирака», что иракская экономика в целом и целом все еще находилась под государственным контролем: «частный сектор до сих пор играет очень малую роль даже там, где он присутствует, и предпосылок для его усиления не имеется»¹⁴. Это не значит, что проводившаяся неолиберальная политика не возымела действия – наоборот, она глубоко перекроила иракскую политическую и социальную систему. Этот процесс сначала протекал внутри государственного аппарата за фасадом Баасизма, и был порожден санкциями 90-х. Затем разрушенный государственный аппарат был частично разрушен и воссоздан уже в виде власти сектантских партий и вооруженных ополчений после 2003 года.

Второй отправной точкой нашего анализа является марксистский подход к рассмотрению вопроса о генезисе и развитии идей и идеологий. Рассматриваем ли мы религиозные верования в целом, конкретную сектантскую идеологию или политическую перспективу отдельного исламистского движения, марксистский анализ всегда помогает преодолеть отвлеченность теоретического рассмотрения и убеждение о том, что идеи существуют «сами по себе», без привязки к конкретным социальным и экономическим реалиям. В случае Ближнего Востока, множество мейнстримных аналитиков идут даже еще дальше – они утверждают, что как раз религиозные воззрения проживающего здесь населения порождают реальность, так что процессы, протекающие в регионе, можно понять только через призму «древней ненависти»¹⁵. Нет ничего удивительного в том, что идеи, которые несут бойцы ИГИЛ, часто описываются с помощью метафор, позаимствованных из биологии и эпидемиологии. Алистер Крук, в своей популярной статье, именовал ИГИЛ «мутацией ваххабистского гена», или, другими словами, переносом идеологии, разработанной мусульманским религиозным деятелем 18 века Мухаммедом ибн Абд-аль-Вахаббом и его последователями, на современные исламистские течения, лояльные династии Саудитов¹⁶.

Проблема данных подходов не в том, что они всегда приводят к неверным выводам – скажем, Крук совершенно прав в том, что насажденный официальной политикой саудитов ваххабизм породил группировки, которые впоследствии стали представлять угрозу самому саудитскому режиму. Проблема в том, что принимая движущей силой истории идеи, а не социальные взаимоотношения, эти исследователи лишь наводят тень на реальные процессы социальной эволюции.

Как поясняет Крис Харман, «люди не могут действовать независимо от объективных обстоятельств. Но это не значит, что действия людей можно целиком свести к обстоятельствам. Люди постоянно участвуют в борьбе с обстоятельствами, и тем самым изменяют и их, и себя»¹⁷.

Современная история Ирака на самом деле радикально отличается от примитивной картинки, транслируемой СМИ. Религиозные, языковые, этнические и племенные сообщества не являются, и не являлись никогда, простой мозаикой, состоящей из неделимых кусочков. В Ираке, например, браки между суннитами и шиитами были вполне широко распространены в течение середины 20 века. Разделение на суннитов и шиитов пересекается с языковым разделением между курдами, арабами и турками, в то же время существуют племенные союзы, куда входят наравне и сунниты, и шииты¹⁸. Более того, все эти сообщества четко разделены на социальные классы – лендлорды, бизнесмены и государственные чиновники высшего звена, которые пытаются строить из себя глас народных чаяний, имеют интересы, которые, разумеется, в корне отличаются от интересов большинства.

¹⁴ Cordesman and Khazai, 2014, p227.

¹⁵ Burleigh, 2014; Conant, 2014.

¹⁶ Crooke, 2014. См. Al-Rasheed, 2010, pp13–68 для обзора роли, которую играл ваххабизм в процессе образования государств Аравии.

¹⁷ Harman, 1986, p11.

¹⁸ Batatu, 2004; Zangana and Ramadani, 2006, p60.

Эти горизонтальные социальные разломы, особенно те, что обусловлены общественными отношениями производства, дают более адекватную картину иракского общества, нежели вертикальное разделение, основанное на религиозной и племенной принадлежности. В то же время надо иметь в виду, что двадцать лет войн, санкций и оккупации создали совершенно новый материальный базис для сектантского самосознания.

Священнослужители, которые могут усилить посыл своих проповедей, давая прихожанам доступ к электрогенератору мечети, или племенные вожди, чьи связи с государственными чиновниками предоставляют им возможность захватывать лучшие рабочие места и поддерживать своих сторонников – вот пример социальных отношений, которые помогали удерживать вместе разные социальные классы, несмотря на противоречие их «объективных» интересов. Сила и слабость этих отношений не может быть измерена в отдельности от других видов социальных отношений. В обществе, расколотом гражданской войной, где миллионы вынуждены были покинуть свои дома, должность бойца в окружении племенного лидера или в сектантском ополчении может означать разницу между жизнью и смертью, как для отдельных людей, так и для их семей. В таких условиях у рабочих остается немного возможностей испытывать чувства классовой солидарности на практике.

Таким образом, отправной точкой для понимания сути исламистских движений не могут быть только идеи, которые они высказывают. Важен скорее их социальный посыл – другими словами, отношения между членами и лидерами движений и классовая структура общества. Массовые исламистские движения, такие как «Братья-мусульмане», обычно отмечены поразительными социальными противоречиями в своих структурах, и интересы их руководства обычно идут вразрез с тем, что вдохновляет их членов – выходцев из рабочего класса, городской бедноты и низших слоев среднего класса¹⁹.

ИГИЛ является – и всегда являлся – очень специфическим движением. Это элитаристская военизированная организация, которая, как мы это подробнее рассмотрим впоследствии, выросла из соперничества между вооруженными сектантскими группами в Ираке во время американской оккупации.

Это вовсе не значит, что ИГИЛ не в состоянии получать выгоду от противоречивых идей, которые вдохновляют людей из различных социальных классов к политическим и социальным переменам, и одновременно громить или маргинализировать другие силы, которые обещают исполнить те же мечты. Например, ИГИЛ набрало немалый политический капитал на том, что предоставляла другим иракским суннитам защиту от систематического притеснения, которому тех подвергали шиитские исламистские партии, находившиеся во главе иракского государства. Тем не менее, целиком и полностью сектантская повестка ИГИЛ в сочетании с его военизированной структурой и отверганием любой программы политических и социальных изменений, осуществление которых подвластно народу уже сейчас, означает невозможность для революционных социалистов рассматривать это движение в ряду таких, как Хамас, Хизболла и другие исламистские силы²⁰. В отличие от этих сил, которые в свое время представляли кривую, но все-таки дорогу для выражения социальных и политических народных чаяний, ИГИЛ предоставляет только дорогу в бездну.

Третьей опорной точкой нашей конструкции является марксистский анализ империализма в его специфических проявлениях, характерных для данного региона, и в особенности катастрофическое влияние американской интервенции в Ирак. Как полагает Алекс Каллиникос (и отстаивает это в своем журнале и не только), провал этой тщеславной затеи имел

¹⁹ Harman, 1994; Naguib, 2006.

²⁰ См. статьи Philip Marfleet и Bassem Chit в этом журнале для более подробной информации о современном состоянии Хамаса и Хизбаллы, и Assaf, 2013, Harman, 2006 для более детального обзора сложившихся условий.

глубокие последствия, как на региональном, так и на глобальном уровне²¹. Как было отмечено ранее, надрыв американского империализма в Ираке, в сочетании с последствиями неолиберальных реформ на региональном уровне, породили фрактальный процесс «изнашивания периферий» «сразу по нескольким направлениям. Относительное ослабление американской гегемонии дало региональным силам большее пространство для маневра друг относительно друга, равно как и создало пространство, в котором могли появиться новые непредсказуемые игроки наподобие ИГИЛ.

Но дальнейшие империалистические интервенции с целью «исправления» проблем, порожденных предыдущими интервенциями – будь то авианалеты или вторжения сухопутных сил – лишь укрепят позиции ИГИЛ как защитников населения, находящегося под их властью, либо создадут предпосылки для появления идеологических преемников ИГИЛ. Хотя мы не можем в рамках данной статьи предоставить исчерпывающее толкование взаимозависимости между империалистической политикой на Ближнем Востоке и ростом расизма и исламофобии в США и Европе, но подтверждением существования этой взаимосвязи является тот факт, что такое клеймо социального отчуждения привело многих иностранцев под знамена ИГИЛ.

Последняя ключевая точка, на которой базируется наш анализ, это понимание роли человеческого фактора в предопределении результатов безличностных и долговременных процессов. В каком-то смысле, это задача по соединению воедино различных масштабов анализа. Одной из сильнейших сторон революционного марксизма является способность соединять индивидуальные и коллективные действия с абстрактным мышлением, которое помогает нам лучше понимать, как работает общество. Марксистский анализ предоставляет уникальную перспективу, потому что он утверждает существование реальной альтернативы ИГИЛ – активное включение народных масс региона в борьбу за хлеб, свободу и социальную справедливость, которые были лозунгами революций 2011 года.

Ирак 2003: «консоционализм» и неолиберализм вызывают рост сектантских настроений в обществе

Американская оккупация Ирака в 2003 году запустила процесс, который целиком изменил иракское государство и общество, что послужило прямой причиной явления ИГИЛ в 2014 году (которое, впрочем, не было неизбежным). Американские чиновники утверждали, что строят «консоциональную демократию», где власть будет разделена между представителями различных религиозных и национальных сообществ согласно системе квот.

Консоциональный подход к управлению Ираком привел к крайне неолиберальной политике, которая продвигалась такими фигурами, как Поль Бремер, назначенный управлять коалиционным правительством, установленным после вторжения в стране. Пережив санкции, войну и оккупацию, иракское общество превратилось в настоящую гремучую смесь. Американские представители свидетельствовали в частном порядке, что они рассчитывали сохранить контроль над разворачивающимися процессами и использовать их к своей пользе, правильно играя на противоречиях между различными сектантскими группировками, и время от времени их подогревая. В реальности система, которую они создали, быстро вышла из-под их контроля, и исправить ситуацию удалось только временно – заоблачными вливаниями денег и военных сил во время «операции» 2007–2008 годов.

Важно рассматривать развитие ситуации после 2003 года в правильном контексте. Иракское общество и до вторжения не было целиком свободно от сектантства. Баасистский режим долгое время использовал сектантство и провоцировал этнические конфликты для поддер-

²¹ Callinicos, 2014a; Callinicos, 2014b, p19; Callinicos, 2009.

жания собственной власти. Например, правительственная пропаганда рисовала все шиитские оппозиционные группы как «пятую колонну», работающую на соседний Иран, а правительство проводило политику «арабизации» «в населенных курдами районах северного Ирака, с целью упрочнения собственного контроля над богатыми нефтью северными городами Киркук и Мосул.

Тем не менее, влияние сектантства в значительной степени сводилось на нет целым рядом факторов, включая смешивание иракцев различных вероисповеданий в правительственном аппарате. Столица страны, Багдад, была населена множеством курдов даже во время пика противостояния между Саддамом Хусейном и курдскими повстанцами на севере²², и, несмотря на попытки некоторых шиитских исламистских сил представить дело иначе, большинство иракских шиитов, призванных в вооруженные силы, не спешили брататься с иранскими единоверцами во время ирано-иракской войны. Более того, сохранялось наследие времен ожесточенной политической борьбы периода 40–60-х годов, где лидировали такие секулярные силы, как Баас и Коммунистическая партия, и борьба была отмечена высоким уровнем развития забастовочного движения и социальных протестов, память о которых не стерлась еще у старшего поколения активистов²³.

Как бы то ни было, поражение иракских сил в 1991-м, и обеднение иракского общества в результате санкций, наложенных на правящий режим, создало более благодатную почву для сектантства, которое пустило прочные корни в обществе. Напуганный последствиями восстания, начавшегося на юге страны, баасистский режим начал отчаянно искать союзников, которые могли бы помочь удержать военную и политическую власть над страной. Саддам Хусейн создал Управление по делам племен для поддержания взаимоотношений с племенными вождями, которые поддержали ослабевшее центральное правительство.

Он также позиционировал себя как лидер суннитов, используя религиозную мобилизацию для укрепления своей власти и предоставляя преференции для суннитских религиозных структур. В то же время ослабление властных институтов под сокрушительным прессом международных санкций создало пространство, в котором религиозные институты значительно расширили поле своей деятельности, предоставляя гуманитарную помощь, образование и здравоохранение для все более нищавшего населения²⁴.

С самого начала, еще даже до того, как американские войска вступили в Багдад, американские чиновники решили управлять Ираком как страной, состоящей из разрозненных враждующих групп. Это видение иракского общества, судя по всему, берет начало в грубых оценках соотношения числа арабов-шиитов, курдов-суннитов и арабов-суннитов, отраженных в картах Ирака, которые имели широкое хождение среди американских чиновников в 2003 году²⁵. Сектантский «баланс» – и где, возможно, конкуренция сект – активно поощрялись Америкой с самого начала иракской кампании²⁶.

Практика мухасасы – использования системы квот на представительство людей различных вероисповеданий в органах власти – была полностью поддержана теми политическими партиями, выживание которых зависело от судеб воинствующего сектантства в регионе. Как поясняет Тоби Додж, эта система «по сути, приватизировала иракское государство. Система позволила иракской политической элите растащить государственную собственность по собственным карманам и финансировать за счет нее партии, к которым она принадлежит»²⁷.

²² Zangana and Ramadani, 2006.

²³ Alexander, 2003, и Batatu, 2004.

²⁴ Alexander and Assaf, 2005a.

²⁵ International Crisis Group, 2013, p4.

²⁶ Alexander and Assaf, 2005a, и Zangana and Ramadani, 2006.

²⁷ Dodge, 2014, p17.

Ключевым фактором, который предопределил быстрый выход системы из-под контроля, было неолиберальное наступление на остатки иракской инфраструктуры. Поль Бремер, не останавливаясь ни перед чем, добился того, что общественная собственность, системы здравоохранения и социальной поддержки были пущены с молотка²⁸. Тем не менее, хотя американские корпорации сначала и ухватили небольшой кусок распродаваемой собственности, основными бенефициарами распродажи иракского государства были не международные инвесторы, а местные шишки – лидеры военизированных группировок и сектантских партий, которые оказались способны превратить заполученные структуры в высокодоходные ракет-машины²⁹.

Первыми от этого процесса выиграли исламисты шиитского толка, близкие к США, такие как партия Да'ва и их оппоненты, Верховный Мусульманский Совет Ирака (ВМСИ). Они приложили все усилия к тому, чтобы сектанты шиитского толка поддерживали оккупацию, заодно убрав с политической арены шиитские исламистские движения, выступавшие против США, как, например, движение Моктада аль-Садр.

Курдские союзники США также остались в прибыли, в частности, вождь Патриотического Союза Курдистана Жалаль Тальябани стал президентом Ирака в 2005-м. Патриотический союз Курдистана и еще одна ведущая курдская политическая сила, Курдская Демократическая Партия, возглавляемая Масудом Барзани, добились консолидации курдского большинства, проживающего в северном Ираке, и де-факто получили независимость в ходе 90-х годов, причем эта зона была объявлена США закрытой для полетов³⁰.

Все громче звучащие призывы к шиитской солидарности, раздававшиеся со стороны шиитских исламистских партий – союзников США, отражают страх, который новый политический истеблишмент питал перед возможностью возникновения объединенного повстанческого движения суннитов и шиитов против существующей власти. Конечно, трудно предположить, что бойцы суннитской Фалуджы и шиитской Садр и Найяф координировали свои действия, однако их деятельность серьезно нарушила функционирование механизмов, посредством которых США и их союзники пытались управлять Ираком. Опросы общественного мнения, проведенные наиболее тиражными газетами США в марте и мае 2004 года, а также управлением коалиционных сил в Ираке показали, что 80 % иракцев, независимо от принадлежности к суннитам или шиитам, считали американцев оккупантами, и 81 % населения желал, чтобы те убрались восвояси – и это несмотря на все трения между религиозными группировками³¹.

Данные настроения были распространены не только среди гражданского населения, но и среди военных. В качестве примера можно привести отказ шиитских войск в 2004 году передислоцироваться в Фалуджу вместе с американскими силами для подавления местных сил сопротивления³². Тем не менее, США с союзниками преуспели в разрушении нарождавшегося межрелигиозного повстанческого альянса. Силы США изолировали и подавляли ключевые области западного Ирака, которые стали центрами сопротивления оккупантам, в частности Фалуджу. В то же время, эти действия сопровождались стратегией продвижения идей о том, что поддержка создаваемого пост-баасистского государства является общим интересом всех шиитов. Поддержка данной политики со стороны аятоллы Али аль-Систани, который был ключевой фигурой в шиитском религиозном истеблишменте, оказалась как нельзя более кстати. Аль-Систани активно поддерживал участие в парламентских выборах 2–5 года, тем самым крайне

²⁸ См. Dodge, 2010; Herring and Rangwala, 2006, pp222–236, для более подробной информации.

²⁹ См. Herring and Rangwala, 2006, pp236–241 для более подробной информации о роли американских транснациональных корпорациях в «перестройке» Ирака и Dodge, 2014 для обзора ее последствий.

³⁰ К сожалению, формат статьи не позволяет детально рассмотреть курдский вопрос в Ираке. Для ознакомления с исторической перспективой курдского вопроса см. McDowall, 2003, для ознакомления с ролью курдских партий после 2003 года см. Herring and Rangwala, 2006.

³¹ Alexander and Assaf, 2005a, p27.

³² Alexander and Assaf, 2005a.

осложнив антиамериканским шиитским лидерам, таким как Могтада аль-Садр, их попытки поддержать призывы со стороны суннитских повстанцев к бойкоту этих выборов³³.

Появление Аль-Каиды в Ираке, сахва и операция по умиротворению

В ходе событий 2004–2005 годов потенциал для создания межрелигиозных политических и военных альянсов против США был устранен. Одним из основных факторов, которые вызвали такие изменения в раскладе военно-политических сил, было достижение консенсуса среди большинства исламистских партий шиитского толка, которые в общем и целом стали разделять стремление к получению контроля над формирующимся государственным аппаратом. Антиамериканские шиитские силы, такие как армия Мухаммеда аль-Садр Махди, оказались не в состоянии поколебать этот консенсус. Еще одним фактором стало активное уничтожение американскими силами инсургентов – вплоть до проведения широкомасштабных военных операций в Фалудже и других городах провинции Анбар.

Совокупность этих событий открыла путь для бурного роста суннитских сектантских джихадистских групп, таких как иракская «Аль-Каида». Иракская «Аль-Каида» была основана иорданским исламистом Абу-Мусабом ль-Заграви в 2004 году. Была выпущена декларация о том, что эта небольшая группировка исламистских бойцов вступает в бен-ладеновскую Аль-Каиду. Призывы группы имели большой отклик в западном Ираке, что во многом было обусловлено репутацией, которую она завоевала эффективным противостоянием американским войскам. Однако лидеры группы пошли по пути разжигания межсектантской гражданской войны, и для этого проводили массовые бомбардировки шиитских мечетей и мест паломничества³⁴. В то же время военизированные крылья различных шиитских организаций, включая бригаду Бадр Верховного Мусульманского Совета Ирака и армию Махди, действовали среди полицейских сил и служб безопасности как антисуннитские эскадроны смерти, подвергая сотни иракцев пыткам и казням каждый месяц³⁵. Бомбардировка шиитской мечети аль-Аскари в Самарре в феврале 2006 года вызвала целую волну этнических чисток, прокатившуюся по Багдаду. Они превратили когда-то смешанный город в конгломерат сектантских анклавов, в которых не было места для неединоверцев³⁶.

Временный альянс между джихадистами и другими силами антиамериканского сопротивления в западном Ираке стал представлять серьезную военную и политическую проблему для США. Успех в открытых локальных столкновениях, таких, как битва за Фаллуджу, создал предпосылки для бесконечных восстаний. Однако в 2006 году американские силы добились перелома, разрушив тактический альянс между силами джихадистов и другими военными группами в провинции Анбар. Это событие стало известно как «Пробуждение» («сахва» по-арабски). Все началось с местного военного сотрудничества между силами США и некоторыми анбарскими племенными вождями. Американские силы предоставляли возможность для тренировок, оплату и оружие для анбарских добровольцев, которые изъявляли готовность сражаться с иракской Аль-Каидой³⁷. В этом сотрудничестве поначалу участвовали только вожди второго и третьего ранга, но их возвышение после Сахвы привело к тому, что они заняли место прошлых племенных лидеров, которые были отправлены в изгнание³⁸. Некоторые источники

³³ Alexander and Assaf, 2005b.

³⁴ Alexander and Assaf, 2005a.

³⁵ Buncombe and Cockburn, 2006.

³⁶ Damluji, 2010, pp75-76.

³⁷ Montgomery and McWilliams, 2009

³⁸ Al-Jabouri and Jensen, 2011.

утверждают, что иракская «Аль-Каида» также переманила на свою сторону некоторых из этих племенных вождей, стоявших внизу племенной иерархии, своими обещаниями улучшения их статуса и положения³⁹.

Сотрудничество между иракской Аль-Каидой и другими повстанческими группами в Анбаре базировалось на том, что все соглашались с тем, что американские оккупационные силы представляют собой основную опасность для населения. Тому было достаточно оснований – например, город Фаллуджа в течение одного 2004 года дважды осаждался и штурмовался американской армией. В течение боевых действий было разрушено 70 % городской инфраструктуры, включая 36 000 строений, 8 400 магазинов, три станции по очистке воды и две электростанции. Заняв город, американские войска установили режим жесткого контроля за мирными жителями – все они были подвергнуты снятию отпечатков пальцев и сетчатки. Каждый, кто желал въехать в город или выехать из него, обязан был предъявлять утвержденную американской администрацией персональную биометрическую идентификационную карту⁴⁰

³⁹ International Crisis Group, 2014.

⁴⁰ International Crisis Group, 2014, p9.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.